

Содержание

Обращение к другу.....	7
Девушкам и юношам	II
I	13
II	35
III. О любви	53
IV. Искренность в отношениях.....	71
Старость и юность	87
Слово в защиту праздности	III
Отправленный на юг	131
Æs triplex.....	153
Эльдорадо.....	171
Английские адмиралы	179

Портреты кисти Ребёрна	205
Детская игра.....	221
Пешие походы	243
Свирель Пана	261
Призыв к сохранению газовых фонарей.....	271

Обращение к другу

Дорогой мой Уильям Эрнест Хенли¹!

В этом мире все мы без устали возводим вавилонские башни, а дитя нашего воображения неизменно оказывается подменным, как только мы облачаем его в слова. Эта истина справедлива не только для вещей великих, как войны и фолианты, но и для самых малых, вроде этой незначительной книжицы, что ты держишь в руках. Принимаясь за эти очерки, я задался определенной целью: мне хотелось выступить в роли адвоката, но не дьявола, а юности. Я намеревался взвешенно изложить убеждения молодости и сопоставить их с доводами зрелости, обозреть все разнообразие

¹ Уильям Эрнест Хенли (1849–1903) — английский поэт, критик и издатель, друг Р. Стивенсона. — *Здесь и далее, если не указано иное, прим. пер.*

расхождений и в итоге создать небольшой том рассуждений, который можно было бы, не погрешив против истины, назвать «Жизнь в двадцать пять лет». Однако времена неумолимо менялись, и я менялся вместе с ними. Я изо всех сил цеплялся за тот пленительный возраст, но при всем желании никто не может оставаться двадцатипятилетним вечно. Былые пылкие воззрения покинули меня, а вместе с ними исчез и слог, подобающий их изложению и защите. Друзья мне говорили, да я и сам видел, что игра окончена. Какая-то часть этой книги соответствовала бы давно задуманному названию, но на остальном уже сгустились тени тюрьмы².

Хорошо чувствовать себя молодым, когда ты юн, и с годами взрослеть. Многие же становятся стариками еще до того, как достигнут отрочества. Однако осознанное путешествие через прожитые годы позволяет извлечь главный урок из той школы жизни, что воспитывает и ум, и душу. Времена меняются, взгляды обращаются в свою противоположность, но этот мир по-прежнему видится нам великолепным местом для

² Вероятная аллюзия на строки из оды «Отголоски бессмертия по воспоминаниям раннего детства» (Ode: Intimations of Immortality) Уильяма Вордсворта: «На Мальчике растущем тень тюрьмы / Сгущается с течением лет». — *Прим. ред.*

закалки духа и тела, где есть и купание в море, и верховая езда, и все прочие достойные мужчины занятия. А что может быть отраднее открытия, что тот, кто был хорошим другом в юности, остается таким и в зрелости? Наши привязанности и убеждения мудрее нас самих. Лучшее, что в нас есть, выше нашего понимания, ибо оно выходит за пределы опыта и ведет нас — слепо, но не подвергая опасности — от одного возраста к другому.

Эти очерки подобны верстовым столбам на обочине моего жизненного пути. И когда память обращает мой взор назад, я не могу найти этапа, где бы не видел тебя рядом — с советом, упреком или похвалой. Много изменилось за эти годы, и мы с тобой в том числе. Как бы то ни было, я надеюсь, что наша взаимная приязнь, основанная на любви к нашему искусству и подкрепленная обоюдной поддержкой, выдержит все эти жизненные перемены без ущерба и с Божьей помощью не покинет нас до конца.

Р.Л.С.

A highly decorative, symmetrical border in a black and white line-art style. It features intricate scrollwork, floral motifs, and repeating patterns that form a rectangular frame around the central text.

Девушкам
и юношам³

³ Virginibus Puerisque (лат.) — в оригинале.

I

Все герои Шекспира, за исключением одного лишь Фальстафа, относятся к тем, кто не прочь связать себя узами брака. Меркуцио, близкий по духу Бенедикту и Бирону, непременно пришел бы к тому же финалу. Даже Яго был женат и, что еще удивительней, ревновал свою жену. Такие герои, как Жак, да и Шут из «Короля Лира», которых сложно представить семейными людьми, оставались холостяками из-за циничного нрава или разбитого сердца, а не из духа неверия и предпочтения одиночества, как происходит теперь. К слову, если вы обратитесь к французской версии комедии «Как вам это понравится», написанной Жорж Санд (а я осмелюсь предположить, что она вам понравится мало), то обнаружите, что в ней не только Орlando женится на Розалинде, но и Жак берет в жены Селию.

Судя по всему, во времена Шекспира колебаний по поводу вступления в брак было гораздо меньше, а те сомнения, что все же появлялись, были скорее шуточного свойства — едва ли серьезнее, чем терзания Панурга⁴. В современных комедиях герои по большей части разделяют убеждения Бенедикта, но при этом они вдвое искреннее в своих опасениях и вчетверо менее уверены в себе. И эту нерешительность я расцениваю как свидетельство того, насколько неподделен их страх. Им ясно, что они всего лишь люди; они представляют, какие ловушки расставлены на их пути, и понимают, что впереди маячит тень супружества, неумолимая и грозная. Конечно, они желали бы сохранить свободу, но если это невозможно — что ж, да свершится воля Божья! «Вы что же, боитесь брака?» — спрашивает Сесиль в пьесе Эмиля Ожье «Нотариус Герен». «О Господи, разумеется, нет! — отвечает Артур. — Я ведь могу надыхаться хлороформом». Они смотрят на брак примерно так же, как на смерть: и то и другое кажется неизбежным; и то и другое — огромное «Возможно», прыжок во тьму неизвестности, для которого человек, особенно если его одолевает хандра, должен закалить свое сердце. Великолепный негодяй Максим

⁴ Панург — один из героев сатирического романа Франсуа Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль».

де Трай воспринимал известия о свадьбах так же, как старики — сообщения о смерти своих ровесников. «Это ужасно, все женятся!»⁵» — восклицал он в салоне мадам Шонтц. Каждый брак был для него как еще один седой волос на голове, а веселый звон церковных колоколов, казалось, насмеялся над его пятьюдесятью годами и изрядно округлившимся животом.

Правда в том, что мы боимся жизни гораздо сильнее, чем наши предки, и не находим в сердце решимости ни вступить в брак, ни отказаться от него. Мы страшимся супружества, но и холодная, одинокая старость пугает нас не меньше. Мужская дружба хороша, но ненадежна. Вы всегда держите в голове, что рано или поздно один друг женится и укажет вам на дверь; второй получит должность в Китае и станет для вас лишь именем, воспоминанием и редким перекрестным письмом⁶, чьи строки не так-то легко разобрать; третий вдруг проникнется какой-нибудь религиозной причудой и впредь будет одарять вас кислыми взглядами. Так или иначе, жизнь отдаляет людей друг

⁵ О. де Бальзак, «Беатриса». — *Прим. ред.*

⁶ В XIX веке, когда почтовые услуги были дорогими, а бумага — ценным ресурсом, существовала практика экономии: после заполнения страницы в одном направлении, письмо поворачивали на 90 градусов и продолжали писать поперек уже написанного текста. — *Прим. ред.*

от друга и навсегда разрушает добрые товарищества. Та самая непринужденность, которая делает дружеские отношения между мужчинами столь приятными, облегчает их разрыв и последующее забвение. Человек, имеющий пару друзей или даже дюжину (если есть на свете такие богачи), не может не думать о том, на каком шатком основании зиждется его счастье, и как всего лишь пара ударов судьбы — смерть, несколько легкомысленных слов, клочок гербовой бумаги, сияние женских очей — способны в одночасье лишить его всего. Брак, несомненно, рискованное решение. Вместо двух-трех человек вы ставите свое счастье в зависимость только от одного. Но все же, поскольку условия соглашения с вашей стороны обозначены более подробно и четко, они таковы и для другой стороны. Вам не придется опасаться стольких превратностей, не всякий ветер сможет сорвать вас с якоря, и, пока смерть не занесет свою косу, у вас всегда будет друг дома. Люди, оказавшиеся в одной камере в Бастилии или выброшенные вместе на необитаемый остров, непременно найдут почву для компромисса — если, конечно, не бросятся сразу в кулачный бой. Они изучат привычки и нравы друг друга, чтобы понять, где следует соблюдать осторожность, а на что можно смело опираться всем весом. Благоразумие первых лет становится привычкой в последующие,

и так, с мудростью и терпением, две жизни могут слиться воедино.

Но брак, пусть он и приносит комфорт, начисто лишен героики. Он, безусловно, ограничивает и подавляет дух щедрых мужей. В браке мужчина становится вялым и эгоистичным, он начинает страдать ожирением своей нравственной сущности. Это происходит не только когда Лидгейт соединяет судьбу с более низкой по статусу Розамондой Винси, но и когда Ладислав женится на стоящей выше него Доротее⁷ — оба случая служат прекрасным примером такого перерождения. Атмосфера домашнего очага гасит прекрасные порывы мужского сердца. Ему так уютно и хорошо, что он начинает предпочитать этот уют всему на свете, включая собственную жену. Еще вчера он готов был поделиться последним шиллингом, а сегодня «его первейший долг связан с семьей» и выполняется в значительной мере путем пополнения запасов винных погребов и неусыпной заботой о здоровье своего бесценного родителя. Двадцать лет назад этот человек был равно способен как на подвиг, так и на преступление, теперь же он не годится ни для того, ни для другого. Его душа спит, и можно говорить во весь голос, не сдерживая

⁷ Лидгейт, Розамонда Винси, Ладислав и Доротея — персонажи романа «Мидлмарч» Джордж Элиот.

себя, — вы его не разбудите. Недаром Дон Кихот был холостяком, а Марк Аврелий — несчастлив в браке. Для женщины эта опасность не столь велика. Супружество приносит ей так много пользы, расширяет границы жизни и дарует столько свободы и возможностей, что она непременно извлечет из него какую-то выгоду, даже если выйдет замуж неудачно. Правда, однако, и то, что некоторые из самых жизнерадостных и искренних женщин — старые девы и что эти старые девы, а также несчастливые в браке жены зачастую обладают многими истинно материнскими качествами. И это, похоже, свидетельствует о том, что даже женщин комфортная семейная жизнь делает более ограниченными. Однако правило от этого не становится менее справедливым: если вы хотите иметь дело с лучшими представителями обоих полов, выбирайте достойного холостяка и хорошую жену.

Меня часто удивляет, что так много браков оказываются вполне успешными и так мало — откровенно неудачными. Впрочем, я совершенно не понимаю, каким принципом люди руководствуются в своем выборе спутника жизни. Я вижу, как дамы не задумываясь выходят замуж за туповатых обывателей с выпученными глазами и за бледных юнцов с лицами как у хорька, а мужчины довольствуются союзами с шумными посудомойками или связывают

свою жизнь с холодными весталками. Обыкновенно на это отвечают, что добрые люди вступают в брак по любви; и, конечно, вы вольны употреблять любые слова (и злоупотреблять ими), если все вокруг делают то же самое. Однако «любовь» — это, пожалуй, слишком сильная гипербола для обозначения таких слабых симпатий. Во всяком случае, здесь Амур вряд ли пускает в ход свои золотые стрелы; не скажешь также, не погрешив против точности языка, что он царит и торжествует. Если это и есть любовь, значит, поэты дурачили человечество с начала времен. Достаточно взглянуть на эти счастливые парочки, чтобы понять, они никогда не переживали ни любви, ни ненависти, ни какого-либо иного возвышенного чувства. При виде фруктов, поданных на десерт, вы иногда отдадите предпочтение какому-то определенному персику или нектарину, с некоторым волнением следите, как блюдо идет по кругу, и испытываете весьма ощутимое разочарование, когда его берет кто-то другой. Я использовал выражение «возвышенное чувство». Так вот, чувства, которые обычно приводят к браку, примерно столь же «возвышенны». Один супруг услышал после свадьбы, что какой-то бедолага умирает от любви к его жене. «Как жаль! — воскликнул он. — Ведь я с легкостью мог бы найти себе другую!» И все же это весьма счастливый союз. А вот

откровение молодого человека, поведавшего мне прелестную историю своей любви: «Мне нравится быть с нею, пока ее сестры рядом, — сказал этот пылкий кавалер, — но я не знаю, что делать, когда мы остаемся наедине». Или такой диалог двух дам. «Знаете, дорогая, — говорит одна, — после десяти лет брака муж, даже если он не стал чем-то еще, все равно остается старым другом». «У меня много старых друзей, — возражает другая, — но я предпочитаю, чтобы они не становились чем-то еще». — «О, пожалуй, я бы тоже *предпочла* это!» Эти три иллюстрации современной идиллии говорят об одном: похоже, наш бог любви хромоног и подслеповат. Невольно задаешься вопросом: всегда ли так было? Всегда ли желание отличалось такой вялостью и бесчувственностью, а обладание — такой холодностью? Я не могу отделаться от мысли, что большинство людей, решая вступить в брак, составляют нечто вроде списка рекомендаций, похожего на тот, что Ханна Годвин направила своему брату Уильяму относительно своей подруги, мисс Гай. Он так забавен и так подходит к случаю, что я просто не могу не процитировать несколько фраз. «Эта молодая леди во всех отношениях создана для того, чтобы сделать человека вашего склада по-настоящему счастливым. У нее приятный голос, которым она умело сопровождает свою игру

на музыкальном инструменте. В ее манерах присутствует непринужденная вежливость, не слишком свободная и не слишком сдержанная. Она хорошая, рачительная хозяйка, но при этом не лишена щедрости. Что касается ее внутренних достоинств, то у меня есть основания говорить о них с еще большей похвалой: здравомыслие без тщеславия, пронизательность суждений без склонности к насмешке, примерно такая религиозность, которая нравится моему Уильяму, — все это заставляет меня желать, чтобы она стала его женой». Да, именно в таком порядке: приятный голос, в меру приятная внешность, безупречные внутренние достоинства в духе прописных истин, степень религиозности, которая нравится моему Уильяму. И все — не теряя времени, прямиком под венец!

Говоря начистоту, если бы люди вступали в брак лишь по любви, то большинство умерли бы холостыми, а семейная жизнь остальных была бы нередко полна раздоров. Лев — царь зверей, но едва ли он подходит на роль домашнего питомца. Точно так же, подозреваю, и любовь — чувство слишком неистовое, чтобы во всех случаях стать хорошей основой семьи. Как и прочие бурные страсти, она обнажает в человеческом нраве не только лучшее, но и самое худшее, самые низменные черты. Подобно тому, как некоторые становятся злобными во хмелю или склочными и желчными под

влиянием религиозного чувства, иные делаются угрюмыми, ревнивыми и требовательными, когда влюблены, хотя в обыденных делах и житейских ситуациях остаются честными, прямодушными и добросердечными.

Как же тогда, если исходить из гипотезы, что люди выбирают спутников жизни сравнительно холодно-кровно, им удастся принять удачное решение? Возникает искушение предположить, что не так уж важно, на ком жениться; что, по сути, брак — это субъективная привязанность, и если вы решились на него и сумели убедить себя в правильности этого шага, то сможете ужиться с кем угодно. Но даже если рассматривать супружество с самой прозаической точки зрения, даже если считать его не более чем своего рода дружбой, признанной властями, все равно должны существовать степени свободы и взаимопонимания, которых можно в нем достичь, а также некий принцип, которым простые люди могли бы руководствоваться в своем выборе. Каким же должен быть этот принцип? Неужели нет более определенных правил, чем те, что мы можем найти в молитвеннике? Закон и религия запрещают браки в случае близкого родства; общество вмешивается, чтобы установить сословные различия; а где же в этом важнейшем вопросе место здравому смыслу, мудрости — неужели они никак не проявляют себя? За неимением более авторитетного источника

знаний, давайте попробуем поговорить об этом по-дружески: даже одна-две догадки могут оказаться полезны юношам и девушкам.

Во всем, что касается еды и питья, компании, климата и образа жизни, следует искать общность вкусов. Было бы непросто, к примеру, делить кров и стол с тем, кто встает ни свет ни заря, или вегетарианцем. В вопросах же искусства и интеллекта, по моему разумению, сходство вовсе не обязательно. Оно уж точно не играет роли в дружбе мужчин, которые однозначно предпочтут отобедать с тем, у кого доброе сердце, богатый винный погреб и острый язык, а не с тем, кто разделяет все их увлечения, но при этом удручающе меланхоличен. Если вашей супруге нравится Таппер⁸, это не повод вешать нос. Она просто согласна с мнением большинства и не стесняется говорить об этом. Я всегда подозревал, что вкусы широкой публики — это продукт смешения притворства и догматизма. Уверен, если бы удалось найти честного человека без особых литературных пристрастий, он бы признался, что считает многое из Шекспира напыщенным и зачастую абсурдным, к тому же написанным на крайне туманном английском, который тяжело читать. И вот недавно я наконец смог погасить

⁸ Скорее всего, имеется в виду Мартин Таппер, английский писатель и поэт XIX в., известный своими стихами и афоризмами.

фонарь, с которым ходил, подобно Диогену, ибо встретил такого человека. Он был незаурядной личностью — бойкий, остроумный, талантливый художник с особым даром улавливать поэтическую красоту моря и кораблей. Я не особый знаток подобных вещей, но одна из его зарисовок порой встает перед моими глазами в ночной тиши. Каким могучим, подвижным и живым выглядит корабль на волнах! Как легко и стремительно он рассекает бушующее море! Не могу представить, чтобы человек, сумевший увидеть и запечатлеть это с такой силой и вдохновением, был по сути своей, как вы бы сказали, банален и зауряден. Так вот, он считал (не стыдился признать это), что Уида⁹ во всех отношениях превосходит Уильяма Шекспира. Будь в мире больше людей, обладающих такой честностью, они изменили бы характер критики. И дело не в оригинальном вкусе, а в редкостной смелости. А что мы видим вместо этого? Сколько раз мы слышали, как люди, в глубине души разделяющие мнение молодого художника, разбрасываются избитыми гиперболами? Разве вас, о лучший из критиков, не тошнит, когда некоторые из ваших собственных слащавых эпитетов возвращают вам перед разинувшей рты публикой? Восторги по поводу искусства стали

⁹ Уида — псевдоним английской писательницы Марии Луизы Раме (1839–1908).

неотъемлемой чертой обыкновенной женщины наших дней, они вылетают из нее как по расписанию и с каким-то навязчивым воодушевлением, словно из хитроумного и хорошо отлаженного механизма. Порой, увы, даже самого сдержанного человека уносит этим потоком, и он в течение нескольких постыдных мгновений сыпет в ответ цветистыми фразами, пытаясь переиродить Ирода. Вспоминая об этом, вы всякий раз испытываете искушение твердо заявить, что не вступите в брак с тем, кто не может похвастаться прямоотой Георга II и открыто признаться в своей нелюбви к поэзии и живописи.

В каком-то смысле ключевым здесь будет слово «факты». Мне доводилось беседовать с иезуитами и плимутскими братьями, математиками и поэтами, непреклонными республиканцами и милейшими пожилыми джентльменами в галстуках с рисунком «птичий глаз» — и каждый из них вкладывал в слово «факты» свой собственный сокровенный смысл. Как я ни старался, мне так и не удалось постичь принцип, которым они руководствовались. То, что было для них существенным, представлялось мне пустяковым или ложным. Мы не могли прийти к согласию относительно того, что в человеческой жизни важно, а что нет. Куда бы ни поворачивал разговор, мы неизменно оказывались спиной друг к другу в большом кругу

и видели каждый свою часть небосвода, с разными горными вершинами на горизонте и разными созвездиями над головой. У каждого из нас в уме сидела своя идея, в которую мы верили больше, чем во что-либо другое, и которая придавала нашему восприятию особенный оттенок. Можно ли ждать согласия от людей, когда один из них глух, а другой слеп? Именно здесь следует искать общность мужа и жены. У них должно быть согласие в отношении *«фактов веры»*, *«фактов науки»* и *«общества, моя дорогая»*, ибо без него всякое общение приводит к мучительному напряжению ума. «Примерно такая религиозность, какая нравится моему Уильяму» — вот что необходимо для счастья любого Уильяма и его супруги. Ибо существуют различия, которые не примирить никакой привычкой или привязанностью, и представителю богемы не следует вступать в брак с фарисеем. Представьте себе свободную Консуэло в роли эдакой миссис Сэмюэл Баджетт¹⁰, жены преуспевающего торговца! Лучшие из мужчин и лучшие из женщин могут прожить вместе всю жизнь и, за неимением согласия в основополагающих вопросах, до самого конца считать друг друга заблудшими душами.

¹⁰ Сэмюэл Баджетт (1794–1851) — английский торговец, основатель компании H. N. & S. Budgett.

Определенного рода талант почти необходим людям, которые хотят провести вместе годы и не наскучить друг другу до смерти. Но этот талант, как и согласие, должен быть связан с жизнью и служить ей. Чтобы счастливо жить вместе, супругам нужно понимать самые тонкие движения сердца и обладать врожденной способностью к добровольному компромиссу. Женщина должна быть талантлива именно как женщина, и не столь важно, если у нее не будет таланта ни в чем другом. Ей необходимо быть женщиной в высшем смысле этого слова и обладать чутьем в вопросах душевных переживаний. Гораздо важнее, чтобы человек был приятным собеседником, мог мило и остроумно посплетничать об общих друзьях и обсудить тысячу текущих мелочей, а не говорил языками человеческими и ангельскими¹¹, ведь посиделки у камина случаются в семейной жизни куда чаще, чем визит именитого иностранца к обеду. Если люди смеются над одними и теми же шутками, имеют в запасе множество охотничьих баек и старых острот, которые со временем не увядают и не приедаются, это, с вашего позволения, намного лучше для совместной жизни, чем масса других вещей, звучащих с точки зрения света более возвышенно и благородно. Канта при желании можно читать

¹¹ Первое послание к Коринфянам 13:1–8. — *Прим. ред.*

в одиночестве, но шутку непременно нужно с кем-то разделить. Многие готовы простить тех, кто не согласен с их философскими рассуждениями; но, увидев, что ваша жена смеется, когда у вас на глазах слезы, или с недоумением смотрит на вас, когда вы покатываетесь со смеху, вы можете начать задумываться о расторжении брака.

Я знаю женщину, которая в силу какого-то неприятия или неспособности не понимала даже значения слова «политика» и не видела разницы между вигами и тори. Но заговорите с ней о ее собственной «политике» — о других мужчинах или женщинах, о хитросплетениях повседневной жизни, об интригах, уловках и тщеславии, вокруг которых она вращается, — и вы не найдете никого более проникательного, тонкого и острого на язык. Более того, — и это лучше прояснит мою мысль — у этой женщины есть частица высшего, поэтического понимания, неподдельный интерес к вещам как таковым и способность удивляться совершенно обыденному. Ее не обмануть обычаем, не заставить считать загадку разгаданной, просто повторив ее описание. Я слышал, как она говорила, что одна лишь человеческая бровь может погрузить ее в бесконечный лабиринт удивительных размышлений. В мире, где большинство из нас не выходят из маленького освещенного круга собственных рациональных

представлений и вспоминают о том, что лежит за его пределами, лишь благодаря заметным, явным, исключительным событиям — землетрясениям, извержениям Везувия, банджо, парящему в воздухе на спиритическом сеансе, и тому подобному, — такой свежий и незатейливый взгляд на вещи кажется мне поистине бесценным даром. Признаюсь, я считаю, что подобный склад ума лучше, чем тот, который непременно сопровождается ясными суждениями об устройстве общества. Он не подведет. Его обладатель всегда найдет, что сказать в неловкой ситуации. В нем кроется источник приятных и причудливых фантазий. В то же время я легко могу представить, как весь вечер зеваю, пока не заболят челюсти и на глазах не навернутся слезы, хотя мой собеседник по другую сторону камина излагает самые прогрессивные взгляды на избирательное право или голосование.

Вопрос о профессиях, в той мере, в какой они имеют отношение к браку, до недавних пор интересовал только женщин, но теперь он касается всех нас. Конечно, будь моя воля, я никогда не женился бы на писательнице. Литературное творчество крайне утомительно для ума; после часа или двух работы все человеческое у автора исчезает, он становится агрессивным, злобным и язвительным. Музыкальное поприще, как я слышал, ненамного лучше. А вот живопись, напротив,

часто действует успокаивающе, ибо после того как картина начата, работа над ней становится по большей части ручным трудом, причем такого рода, который дарит непрерывную череду маленьких побед, что льстит человеческому тщеславию и настраивает на добродушный лад. Увы, в литературе ничего подобного нет. Ваш почерк может быть сколь угодно красивым, но размышления над сюжетом полностью поглощают вас, не давая уделять внимание завитушкам и росчеркам. Они не имеют значения, да и любой писарь может легко превзойти вас в этом искусстве. Руссо, правда, придавал некоторое значение каллиграфии и даже превратил ее в источник заработка, когда делал рукописные копии своего романа «Элоиза» для богатых поклонниц, проявив, таким образом, странное эксцентричное благоразумие на фоне множества глупостей и безрассудств. Было бы неплохо, если бы все представители этого раздражительного племени добавили к своей неосязаемой умственной работе толику ручного труда. Удачно найденное слово — это столь сомнительный успех, граничащий с провалом, что он не приносит никакого удовлетворения, даже если занимаешься этим целый год. Однако все мы знаем, когда вывели букву безупречно, а простодушный художник, прав он или нет, одинаково уверен, что нашел верный цвет или сделал изящный мазок кистью. К тому же

художники могут работать под открытым небом, и свежий воздух, размеренная смена времен года и «умиротворяющий вид» земли, покрытой зеленью, успокаивают лихорадку мыслей и делают их сдержанными, умиротворенными и прозаичными.

Капитан корабля — достойный супруг, если брак основан на любви, ибо разлука благотворно влияет на чувства, сохраняя их яркость и утонченность; и он же — худший из мужей, если привязанность более приземленна, поскольку привычный уклад слишком часто нарушается, связь душ не успевает окрепнуть. Мужчины, увлеченные рыбалкой, ботаникой, токарным делом или собиранием морских водорослей, станут превосходными мужьями; а любительская живопись акварелью на досуге свидетельствует о безмятежности и спокойствии духа. Тех, у кого есть несколько близких друзей, лучше остерегаться; а вот те, кто свободно чувствует себя в обществе, кто, прогуливаясь, то и дело снимает шляпу, чтобы поприветствовать знакомого, кто может похвастаться массой приятелей, но при этом не обременен серьезными дружескими отношениями, нередко обладают легким нравом и не имеют в своем окружении личностей, которые по своему влиянию способны соперничать с женой. Не скажу, что это лучшие из мужчин, но они — материал, из которого ловкие и способные женщины создают самых достойных

мужей. Следует заметить, что те, кто уже любил раз или два, гораздо лучше поддаются женскому влиянию; пылкий юноша из романов представляет собой странную, весьма неудобную смесь застенчивости и грубости и нуждается в изрядном воспитании. Наконец (и это, пожалуй, золотое правило), ни одна женщина не должна выходить замуж за трезвенника или мужчину, который не курит. Неспроста же это «низменное пристрастие к табаку», как называет его Мишле¹², распространяется по всему миру. Мишле осуждает его потому, что оно дарует счастье без напряжения мысли и приложения труда, но дальновидные женщины вряд ли сочтут это пагубным для семейной жизни. Все, что удерживает мужчину у семейного очага, обуздывает блуждающую фантазию и неумеренные амбиции, все, что способствует праздному довольству, столь же верно служит и домашнему счастью.

Эти заметки, если они вообще заинтересуют читателя, вероятно, больше позабавят того, кто с ними не согласится; по крайней мере вреда они не причинят, ибо никто не последует моим советам. Но последнее слово заслуживает большего внимания. Брак — шаг настолько серьезный и решительный, что он привлекает

¹² Жюль Мишле — известный французский историк и писатель XIX в.

легкомысленных, непостоянных мужчин самой своей ужасающей значимостью. Их так трепало переменчивыми шквалами и течениями, они так часто пытались доплыть до призрачных островов и попадали в штиль, что готовы рискнуть всем ради твердой земли под ногами. Эти отчаянные кормчие направляют свои измученные морской болезнью судна прямо на отвесные скалы. Им кажется, будто брак — это прямой путь к счастью, на котором мгновенно воплощается все, о чем мы грезим в летние воскресенья под звон колоколов или бессонными ночами, томясь жаждой жизни. Они полагают, что брак отрезвит и изменит их. Подобно тем, кто вступает в монашеское братство, они воображают, будто достаточно лишь однажды принести обеты, чтобы навсегда вырваться из круговорота шума и суеты. Но это козни дьявола. Весенние ветры будут сеять тревогу, мимолетные лица — оставлять сожаление, а мир не перестанет взывать к ним до самого конца. Ибо брак подобен жизни — это поле битвы, а не ложе из роз.

II

Говорят, надежда не покидает нас ни на одном этапе нашего бытия. С первого и до последнего дня, несмотря на горькие разочарования, мы продолжаем рассчитывать на удачу, крепкое здоровье и благоприятное стечение обстоятельств, причем с такой уверенностью, что не считаем нужным пытаться их заслужить. Мне кажется маловероятным, что я когда-нибудь смогу писать, как Шекспир, командовать армией, как Ганнибал, или прославлюсь на стезе добродетели, как Марк Аврелий; и все же бывают дни, когда, подталкиваемый надеждой, я готов поверить, что соединю все эти достоинства в своей персоне и предстану перед потомками, осененный божественными почестями. Нет ничего настолько невероятного, что мы не могли бы примерить это на себя. В отношении себя, своих устремлений и прегрешений мы по собственной воле с детства